

Максуд Шухрат

Прозаик. Родился в 1970 году в городе Ленинабад Таджикской ССР (нынешний Худжанд). В 1993 году окончил экономический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Живет в Душанбе.

Тути Калон

Тути Калон — большое тутовое дерево. Его могучий ствол и громадные раскидистые ветви видели многое на своем веку, были свидетелями радостей и бед древнего города, счастья и горя ее простых обитателей. По одному из преданий, много столетий назад здесь проходило русло широкой реки, и великий правитель города, Тимурмалик, привязывал свой боевой корабль к стволу этого дерева.

В честь дерева стала называться и местность вокруг. Сам тутовник, а также облагороженная рядом с ним могила неизвестного праведника считаются священными. И вот уже много веков со всей долины сюда съезжаются паломники, чтобы вымолить семейное счастье, рождение сына, хороший урожай, удачную торговлю, безопасную поездку, расположение начальства, поступление в вуз и многое другое, чего не получить без одобрения святых. А еще к дереву привозят туристов, которым рассказывают связанные с ним легенды.

От Тути Калон берут начало несколько извилистых улочек, которые ведут к центральному городскому рынку. За последние сто лет на этих улочках, кроме названия, почти ничего не изменилось. Здесь всегда жили люди многих национальностей и разного рода занятий, которые кормились за счет рынка.

На одной из этих улочек нельзя было не заметить одиноко сидящую на лавочке возле ворот своего дома женщину преклонного возраста. Сидела она каждый день, в любую погоду, молча встречая и провожая прохожих мрачным, но пристальным взглядом уже потухших глаз. Женщина вглядывалась в дорогу, идущую от рынка. Старое серое пальто, черный шерстяной платок и посох, сделанный из ветки какого-то дерева, придавали ей жуткий вид.

Дети пугались и старались пройти мимо нее как можно быстрее, а взрослые здоровались с ней и расспрашивали о самочувствии. В ответ на приветствия и расспросы она только кивала головой и тихо отвечала: «Худова шукр».

Тетю Зухру на Тути Калон, где она жила с тех пор, как вышла замуж и переехала в дом супруга, знали все. Здесь она родила и вырастила трех сыновей и дочь, отсюда она проводила сыновей на войну. Здесь получила похоронки на старших, Абдулло и Карима, а на младшего, Рахима, — извещение о том, что он пропал без вести.

Когда еще шла война, семьи, получившие похоронки, не носили траур, не оплакивали погибших. Зухра тяжело горевала о сыновьях, но старалась не плакать, тешила себя надеждой, что они живы и обязательно вернуться. Ведь и после похоронок возвращались, пусть без ног или рук, но возвращались живыми.

Война закончилась. Живые все вернулись, а в доме Зухры, как и в сотнях других домов города, был объявлен траур. Женщин в черном вдруг стало больше. Казалось, весь город облачился в траурную одежду. И все же Зухру не оставляла надежда. Много раз она с мужем ходила в военкомат, чтобы узнать что-либо о своих сыновьях. Много раз ее сердце замирало, когда на улице она видела человека в военной форме, похожего на одного из ее сыновей. Много раз она просыпалась посреди ночи и будила мужа, когда ей казалось, что кто-то стучит в ворота их дома. Много раз ей снилось, что ее сыновья вернулись домой, и она утопает в их объятиях. В ее снах они были молодыми и веселыми, и им, особенно младшему, Рахиму, очень шла военная форма.

Сны, пусть на время, дарили надежду, но надежду вновь сменяло отчаяние, и тогда Зухра не могла сдержать слез. Жизнь казалась ей горькой и теряла смысл. И тогда никто не мог успокоить ее, ничто не могло утешить.

— Как «пропал без вести»?! Что это значит?! — рыдая, спрашивала она.

— Это когда человека не нашли ни среди погибших, ни среди живых, — тихо, опустив взгляд, отвечал супруг.

— Где же он, где мой родимый сыночек Рахим? Проклятая война, почему она забрала у меня их всех?! — продолжала причитать она.

— Аллах велик, он знает... Главное, что его нет среди погибших, значит, он Иншааллах, жив, — обнимал ее трясущиеся плечи супруг.

Отчаяние снова рождало хрупкую веру, и тогда она начинала ее оберегать и лелеять, и чем больше она верила, тем крепче становилась ее надежда.

Муж Зухры, будучи человеком верующим, не показывал виду, но глубоко переживал потерю сыновей. Добрый и покладистый, всю свою любовь и заботу он теперь отдавал единственной дочке Аноре, которая росла умной и смышленной девочкой. Однажды он вернулся с работы уставшим и рано лег спать, а утром уже не проснулся. Врачи сослались на больное сердце, хотя он сам никогда не жаловался.

Работа на ткацкой фабрике, куда Зухра устроилась после смерти супруга, не смогла унять ее страдания. С ней работало много таких же вдов и матерей, у которых война забрала мужей и сыновей.

Когда уже боль потерь начала затихать, вдруг начали возвращаться люди, которых уже давно не ждали. Вернулся и соседский сын Саттор, который уходил на фронт вместе с ее старшим и тоже считался без вести пропавшим. Вернулся худым и больным, с русской женой и ребенком. Говорили, что он был в плену, а после войны отсидел почти десять лет в сибирских лагерях.

Тлеющая надежда вновь вспыхнула ярким огнем в сердце несчастной матери. Вновь она вздрагивала от скрипа ворот или шума на улице, вновь ее сердце замирало при виде мужчины с чемоданом или с вещмешком за спиной. Зухра готова была принять своих сыновей любыми, какими бы они ни стали, простить им любую вину, лишь бы вернулись живыми...

Прошли годы. Дочь Зухры, Анора, выросла, окончила пединститут, вышла замуж, родила двух сыновей. Зухра, выйдя на пенсию, помогала дочери растить ее детей — Абдулло и Карима. Взрослея, мальчики все больше становились похожими на сыновей Зухры, которых она запомнила молодыми. Провожая утром домочадцев, Зухра любила посидеть на лавке возле ворот. Ей нравилось смотреть на проходящих мимо людей. Часто, там же вздремнув, она видела один и тот же сон — как все трое ее сыновей, живые и здоровые, радостно улыбаясь, идут к ее дому. Проснувшись, она нетерпеливо вглядывалась в сторону большой дороги и неистово повторяла: «Худова шукр! Худова шукр!»

В один из теплых весенних дней тихая смерть застала Зухру на этой же скамейке. Хоронили ее всей махалей. Мулла обещал, что теперь она обрела покой и воссоединится со своим мужем и сыновьями в раю.

Осенний ветер раскачивает ветки могучего дерева, желтые листья падают вниз. Под ним у большого красного экскурсионного автобуса

стояла шумная группа иностранцев, укрываясь в тени от палящего солнца. Молодая девушка-гид пытается привлечь внимание туристов, что-то громко рассказывая, а прислонившийся к автобусу водитель, улыбаясь чему-то, курит.

Никто из них не заметил, как от толпы отошла немолодая пара хорошо одетых пожилых европейцев и медленно, но уверенно побрела по ближайшей улочке.

Подойдя к воротам одного из домов, пожилой мужчина сначала провёл по ним руками, а потом, упав ниц, разрыдался, целуя дрожащими губами землю и прикладывая к ней свои мокрые щеки. Плакал он долго, а его спутница, присев на корточки рядом и положив руки ему на плечи, тихо шептала: «Crying, crying Rakhim. You're finally home».

Берлинский плов

На широченную гостиничную кровать Хайрулло пришел сон. Берлин окружен и взят, наконец-то. Как и другие взятые до этого города, он наш! В каждом дворе поставлен праздничный казан, а прямо у Бранденбургских ворот — огромный, на котором ему, Хайрулло, доверили приготовить плов Победы. В таком чане он готовил плов в родном городе, во время ежегодного конкурса. Воодушевленное местное население с котелками и посудинами ждет в сторонке раздачи, с интересом наблюдая за шумными танцами победителей и радуясь, что наконец-то вдоволь наестся настоящего плова.

На подушку Хайрулло дорожкой побежала сладкая утренняя слюна...

— Hallo! Ich hore Ihnen zu! — длинный гудок оборвал женский голос на другом конце провода.

— У-у-у, э-э-э, сорри, плиз, здравствуйте! Могу я поговорить с э-э-э, фрау, у-у-у, мадам Му-ра-то-ва На-фи-са? — Шавкат произнес фамилию и имя своей двоюродной сестры по слогам, имитируя их иностранное звучание.

— Я — Нафиса. Кто спрашивает? — абонент переключился на русский, и стало спокойно.

— Нафиса, это Шавкат, сын вашего дяди Самада, — произнес молодой мужчина, подавляя в себе неловкость.

— Шавкат? Какими судьбами!/? Ты откуда звонишь? — в голосе слились радость и недоумение.

— Я в Берлине, уже почти неделю, приехал в командировку на бизнес-форум, вот звоню, чтобы передать приветы и узнать, как поживаете, — его голос приобрел уверенность.

— Да ты что? Всю неделю здесь и не мог мне позвонить!? — прозвучало с укоризной. — Где ты остановился? Надолго? — спросила она уже по-деловому.

— Я, э-э-э, мы в Вест Гранд Берлин, кажется, на Фридрихштрассе, — прочитал он из лежащего на столе буклета и добавил с некоторой дозой. — Обратю уже в воскресенье.

— Ну и отлично. Завтра суббота. Если ты не против, можем встретиться в городе. А лучше — приедешь ко мне в гости, приготовим плов, — решила она радостно. — Ты же умеешь готовить плов? — вопрос в трубке прозвучал утвердительно.

Командировка подходила к концу, и предстоящие дни были свободными. Родственники договорились встретиться в десять утра на станции метро, которая располагалась недалеко от гостиницы.

— Шавкатжон, какие у нас планы на завтра? — спросил вечером Хайрулла, глядя поверх очков, сидя в удобном кресле гостиничного холла.

— Завтра? Э-э-э, у-у-у, завтра мы с вами идем в гости, — ответил Шавкат важным тоном, пытаясь скрыть спонтанность только что принятого решения. — Да, да, нас обоих пригласили на плов. Как я мог забыть? — хитро улыбнулся он.

— Плов? Кто пригласил? — Хайрулла отложил немецкий журнал, в котором, не понимая ни слова, с интересом рассматривал картинки.

— Моя очень близкая родственница, дочка моей покойной тети, она здесь профессор в университете, — Шавката переполнила гордость и чувство причастности к чему-то очень важному.

В предвкушении обещанного плова друзья, легко позавтракав, проскочили незамеченными мимо членов делегации, которые начинали собираться в холле, для выхода в город и долгожданного шопинга...

Она стояла, как и договаривались, в холле станции возле эскалаторов. Джинсы и широкие очки с толстыми линзами придавали ей вид девушки вечно студенческого возраста, а короткая болоньевая куртка и свисающая с плеч тряпичная сумка с красочным принтом полностью контрастировали представлением о профессорах, принятым на ее далекой родине.

— Это Хайрулла-ака. Он тоже из Таджикистана, — после недолгого и радостного приветствия Шавкат представил своего спутника, уловив при этом удивленный и слегка недовольный взгляд родственницы.

— Нафиса Муратова, — подчеркнуто строго представилась она и протянула свою руку Хайрулле, который, в замешательстве, неловко улыбался и протирал платком свою лысину.

— Очень приятно! — выпалил тот, обхватив широкими ладонями нежные женские кисти. — Шавкатжон много рассказывал о Вас. Мы

гордимся, что наша землячка работает профессором в самом сердце Европы, — пытался выглядеть галантным и осведомленным Хайрулла.

В ответ профессор изобразила улыбку и легонько забрала свою руку.

Проехав почти до конечной станции метро, а потом еще несколько остановок на трамвае, обсуждая последние новости с родины и особенности местного образа жизни, они очутились в тихом районе Берлина, застроенном родными взору советскими пятиэтажкам. Но, в отличии от отечественных, немецкие выглядели опрятно и имели благоустроенные дворы с ухоженными цветочными клумбами.

Переобувшись в довольно потрепанные тапки, мужчины прошли в гостиную комнату. Квартира оказалась небольшой и с редкой мебелью. Огромный стол у окна был завален рулонами чертежей, стопками толстых книг и журналов с солидными обложками. На экране включенного монитора чудными узорами извивалась анимация. Красочное сюзана¹, застеленное поверх дивана у стены, гармонировало со стоящим на журнальном столике большим расписным, в восточном стиле, керамическим блюдом, щедро наполненным сухофруктами и орехами. Несколько картин без рам с видами глинобитных кишлаков на фоне горных пейзажей украшали стены и, в сочетании с другими предметами, придавали комнате скромный уют.

Оставив гостей осваиваться, хозяйка удалилась в другую комнату.

— Она у вас точно профессор? — почти шепотом спросил Хайрулла, воспользовавшись ее отсутствием.

— Да. Смотрите, сколько книг, — Шавкат взял со стола увесистое издание и начал его листать.

— Ну-у... Книги... Это еще не все. Вот у меня — вся гостиная с полу до потолка ими заставлена. Столько денег потрачено, сплошь подписные издания, все по благу, корешок к корешку. И что? Как был торгашом, так им и помру. Даже мои дети не читают. Зато деньги умеют хорошо считать, — рассуждал вслух Хайрулла, рассматривая через очки одну из картин на стене.

И с видом опытного эксперта предположил:

— Наверное, дорогая!

— Ну, как вы тут? Не скучали? — хозяйка вернулась, облаченная в национальное платье. — У меня такой беспорядок, — добавила она стыдливо.

Гости, успевшие комфортно устроиться на диване, с недоуменными лицами, почти синхронно мотая головами, изобразили несогласие с ее мнением.

¹ Таджикское одеяло, расшитое вручную.

— Предлагаю перейти на кухню. Мне не терпится скорей приготовить плов, — заявила хозяйка, вскинув вперед длинные худые руки и мечтательно закатив широкие карие глаза.

Заманив мужчин на кухню, профессор выложила на стол все заранее купленные ингредиенты. Всего было в большом количестве, даже банка турецкого нута, парочка головок чеснока и несколько стручков перца обжигаяще красного цвета.

Гости одобрительно посмотрели друг на друга. «Хватило бы накормить всю большую делегацию», — подумали они одновременно.

— Судья по продуктам, вы знаете толк в плове, — услужливо заметил Хайрулла.

— Да, но с детства знаю, что самый вкусный плов могут приготовить только мужчины, — профессор поставила на плиту внушительный казан. — Всегда хотела понять в чем секрет, — она с хитрой улыбкой предложила гостям фартуки...

В казане начало цокать раскаленное масло. Шавкат справлялся с добротным куском баранины, разрезая ее на мелкие кусочки. Хайрулла успел нашинковать лук и теперь с ловкостью факира крошил морковь. Хозяйка с изумлением наблюдала за тем, как ее кухонный нож еле успевает за умелыми и быстрыми движениями мужских рук.

— Вы, наверное, часто тоскуете по родине? — спросил Хайрулла, продолжая орудовать ножом. — Тяжело в чужой стране без родственников и друзей?

Нож на мгновение затих, ожидая ответа.

— Ну, почему — без друзей? Их тут у меня достаточно. А вот по родственникам, вы правы, иногда скучаю, но для этого есть телефон, интернет. Правда, я редко звоню...

Она положила на стол баночку зиры²:

— Мама в последний раз привозила, таджикская.

— Худо рахмат кунад³! Хорошим и добрым человеком была ваша мать, очень гордилась вами, — Шавкат заметно погрузнел.

Закатав рукава, Хайрулла вооружился шумовкой. Кипящая пучина одобрительным шипением поглотила почти свежую плоть барашка.

— Скучаю ли по родине — не знаю, — профессор призадумалась. — Часто вспоминаю Душанбе и родительский дом, в котором выросла, интересуюсь новостями, но особой тоски не чувствую. Мне здесь хорошо. Ощущаю себя в безопасности, у меня есть работа по специальности,

² Тмин.

³ Пусть Бог проявит милосердие!

мне платят достойную зарплату, меня ценят и уважают. Что еще человеку нужно?

Шумовка то и дело издавала звонкий металлический звук, наполняя пространство запахом жареного мяса и лука.

— Наверное, вы правы, Нафисахон. Но есть еще что-то, что связывает человека с его землей. Я — человек простой, университетов не заканчивал, но без семьи, своего дома, своих соседей, друзей и родственников, наверное, не смог бы прожить, — Хайрулла начал тщательно выкладывать соломинки моркови в казан. — Есть, конечно, и плохие, я имею в виду соседей. Была бы моя воля, я бы отправил парочку их куда подальше жить, но сам не готов ехать за тридевять земель искать счастья. Мне кажется, для человека хорошо, когда он свой кусок хлеба, пусть и черствого, на родине находит. Так жили мой отец и дед, и я так живу, слава Аллаху, и не жалею. Надеюсь, что и мои дети будут так жить.

Он притушил жар котла стаканом воды, затем, как древний алхимик, посыпал свое магическое варево смесью соли и пахучей зиры.

— Говорят, хлеб чужбины горький. Кстати, фрукты тут тоже не такие сладкие и сочные, как у нас.

В повисшей тишине громко хлопотал казан.

Когда все пространство наполнилось чарующим запахом зирбака⁴, профессор с видом понимающего человека выставила на кухонный стол бутылку чего-то с ягодной этикеткой и пару рюмок:

— Это под зирбак! Какой запах! Сто лет не ела настоящего плова, — не скрывала она своей радости.

Пока хозяйка суетилась с посудой возле кухонного шкафа, мужчины, не чокаясь опрокинули по стопочке. Тягучий вишневый ликер оказался сладким и приторным, как и конфеты, предложенные хозяйкой в качестве закуски. Хайрулла, морщась, изобразил недовольство, Шавкат с досадой пожал плечами.

— Мужа ей надо. Потерялась девка, — Хайрулла с жалостью на лице метко бросил в урну надкушенную конфету. — Хорошего мужа.

Шавкат не стал ему рассказывать, как молодого врача, возвращавшегося с дежурства, застрелили и скинули в канаву, а выпускница московского вуза за неделю до объявленной свадьбы потеряла любимого жениха.

Впитав волшебные соки, рис разбух и теперь теснился у краев казана. Увенчав вершину варева чесноком и перцем, а потом проткнув подобием волшебной палочки до самого дна, Хайрулла накрыл казан крышкой и громко произнес:

⁴ Промежуточный продукт при приготовлении плова.

— Ош дам⁵!

Началось время томления плова и людей.

Пока мужчины допивали остатки ликера, хозяйка успела приготовить гору салата. Все то и дело посматривали на настенные часы, стрелки которых, словно нарочно, двигались очень медленно.

— Хайрулла, если вы не против, я сама выложу плов. Вы мне доверяете, надеюсь, — Нафиса сняла крышку казана, и волна ароматов накрыла присутствующих.

Гости заметно засуетились, освобождая стол для огромного блюда с пловом. Огромного-о-о!

— Приятного аппетита! — придвинув к мужчинам по небольшой тарелке плова с редкими кусочками мяса и салатом, профессор вернулась к плите за своей порцией.

«У них так принято, подают малыми порциями», — Шавкат попытался мысленно ответить на беззвучный вопрос, застывший на лице товарища.

Проглотив слюну, он тихо выговорил вслух:

— Европа!

Нравы в Европе оказалась не такими, к которым они привыкли. Быстро доев свою тарелку плова, расхваливая повара, профессор встала из-за стола; мужчины подумали: «За добавкой». Сняв с плиты еще теплый казан, она аккуратно разровняла почти нетронутый плов и, плотно закрыв его крышкой, со словами: «Мне этого хватит на месяц», — убрала выделенное яство в огромный холодильник.

— После плова я непременно пью зеленый чай. А вы что предпочитаете? — как ни в чем не бывало, она вернулась к столу и поставила перед ошалевшими от происходящего мужчинами блюдо с фруктами и аккуратно разрезанный вафельный тортик...

Обратно в трамвае друзья ехали молча. Этим вечером дома и люди отчего-то выглядели серыми и унылыми. Съеденные у метро шавермы веселого турка заглушили голод, но чувство досады осталось непобежденным.

Разговор не складывался. Хайрулла, то и дело с ноткой упрека причитал: «Да-а-а, вот тебе профессор, вот тебе Европа».

В холле гостиницы члены делегации шумно обсуждали покупки. Коллега, примерявший фетровую шляпу, обрадовался, заметив потерявшихся земляков, и поинтересовался, пойдут ли они ужинать в узбекский ресторан.

Хайрулла, жестом перерезая горло, кинул:

— Нет, спасибо, мы уже берлинского плова наелись.

И, грустно подмигнув Шавкату, добавил:

— Дома плова поедим.

⁵ Последний этап приготовления плова, когда парится рис.